

Г. ЛЕЛЕВИЧ

335.5и

Л-33

5150

R 434
454

Л Е Н И Н

И

Л Е Н И Н И З М

КРАТКИЙ ОЧЕРК

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ЖЕЛ.-ДОР.

„ГУДОК“

МОСКВА . 1924 . ЛЕНИНГРАД

87362 46
август

Г. ДЕЛЕВИЧ

R 434
454

Л Е Н И Н

и

Л Е Н И Н И З М

38-70612

КРАТКИЙ ОЧЕРК

БИБЛИОТЕКА В-Год. Инстит. Народной Экономики и Товароведения	Инв. № 5150
	Отд. 335.51
	Авт. ш. Л33

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ЖЕЛ.-ДОР.

„ГУДОК“

МОСКВА . 1924 . ЛЕНИНГРАД

УДК 62-72

ВВЕДЕНИЕ

1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

2. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

XXIV-1866

2014078872

58588-0

Тип. Изд. Брокгауз-Ефрон. Ленинград, Прачешный, 6.

Ленинградский гublит № 5934.

Напечатано 25000 экз.

Ленин и ленинизм.

Если кто-либо захочет действительно разобраться в чем смысл совершающихся великих событий, если кто-либо захочет быть не темным посторонним зрителем освобождения трудящихся масс, а сознательным участником этого освобождения, он должен будет прежде всего изучить жизнь и учение Ильича. Не узнав, как следует, как и за что боролся, как и чему учил величайший вождь рабочего класса нашего времени, не узнаешь и куда ведут разворачивающиеся события.

Но изучить Ленина — значит внимательно перечитать его собственные статьи, речи и книги; значит перечитать много книг по истории большевистской партии, по истории революции. Это — нелегкая задача и не одного дня дело. Зато без этого так и останешься слепым, бессмысленно тыкающимся то в тот, то в иной гол.

В этом кратком очерке мы только в самых беглых чертах рассказываем о том, как жил, с кем боролся и чему учил Ильич. Пусть этот очерк послужит для каждого читателя толчком, чтобы по его прочтении он принялся за новые, все более и более серьезные книги Ленина и о Ленине.

1. Жизнь Ленина.

Владимир Ильич Ульянов (Ленин) родился 10/22 апреля 1870 г. в Симбирске, в семье директора народных училищ, — сына бедняка, добившегося неустанным трудом и настойчивостью высшего образования.

9-ти лет Владимир Ильич поступил в I класс симбирской гимназии. Учился он очень прилежно, проявил большие способности и 17-ти лет блестяще окончил гимназию.

В это время над семьей Владимира Ильича стряслась большая беда. Его старшего брата — студента Александра Ильича, талантливого и обладавшего большой волей юношу, — повесили по приговору царского суда за то, что Александр Ильич с группой студентов пытался убить грубого палача — царя Александра III. Эта гибель брата за дело революции глубоко потрясла всю семью и, в частности, Владимира Ильича.

В том же 1887 году произошло и революционное „боевое крещение“ самого Ильича. Осенью он поступил в Казанский университет и сейчас же принял участие в „беспорядках“ студентов, бунтовавших против насилий царского чиновничества. Молодого бунтаря исключили из университета и выслали в деревню Кокушкино, Казанской губ. Живя в деревне, затем в Казани и Самаре, Ильич самостоятельно прошел университетский курс. Правительство сперва не позволяло ему сдать экзамен, потом разрешило, и в 1891 году Ильич сдал экзамен и получил диплом, — удостоверение об окончании университета.

К тому времени он уже окончательно проникся учением Карла Маркса. И вот, в 1893 г. Ильич с друзьями (Лалаянц, Скляренок) создал в Самаре одну

из первых марксистских групп в России. Тут же он написал свою первую революционную книгу „Что такое друзья народа“. В этой книге уже были заложены все основные идеи будущей работы Ильича.

Осенью 1893 г. Ильич переехал в Питер, связался с немногочисленными марксистами и стал создавать рабочие кружки. Спустя два года, съездил за границу, установил связь с заграничными вождями русских марксистов—Плехановым, Аксельродом и др., познакомился с заграничным рабочим движением. Приехал обратно в Питер, и работа закипела. Создал „Петербургский союз борьбы за освобождение рабочего класса“. Стал готовить подпольную газету для рабочих. Но человек предполагает, а полиция располагает. 9/21 декабря 1895 года Ильича с его товарищами арестовали. 15 месяцев просидел он в тюрьме, а затем его выслали на 3 года в Сибирь, в село Шушенское, Миусинского уезда.

В ссылке Владимир Ильич не теряет времени даром,—написал большую книгу „Развитие капитализма в России“ и другие работы. Вернувшись в 1900 году из Сибири, Ильич попробовал создать большую подпольную газету, но попал опять под арест. Ленин увидел, что дело здесь не выгорит, и уехал продолжать его за границу.

Здесь с конца 1900 года Ильич вместе с Плехановым, Засулич, Мартовым стал издавать газету „Искра“ и в то же время руководить из-за границы собиранием сил партии в России. В 1903 году Ильич участвовал во II съезде партии, принявшем программу партии, написанную тем же Ильичом. После раскола (об этом расколе поговорим особо) Владимир Ильич руководил большевистской частью партии, с декабря 1904 года редактировал заграничную большевистскую газету „Вперед“, участвовал в мае 1905 года в III съезде.

партии, редактировал после него заграничную газету „Пролетарий“.

Революция 1905 года пошла в гору, и Ильич не усидел за границей. В ноябре он примчался в Россию, поселился под Питером, работал в питерской большевистской газете „Новая Жизнь“, выступал под именем Карпова на митингах.

В годы разгрома революции—в 1906-1907 г.—Ленин пробует остаться в России, ездит на IV и V партийные съезды за границу, но возвращается с них то в Питер, то в Финляндию. Наконец, оставаться больше нелегально нельзя: рыщут по пятам ищейки. Пришлось снова перебраться за границу. Там Ильич непрерывно работает в центральном комитете партии, борется с меньшевиками, держит связь с Россией, ведет большевистские газеты. Наконец, годы самой глухой реакции прошли. В 1912 году снова пробудился русский пролетариат, и Ильич перебрался в Австрию, ближе к русской границе,—в Прагу, в Краков.

Началась война, и австрийские власти арестовали Ильича, как русского подданного. Еле удалось ему выбраться в Швейцарию. Здесь он начал неустанную борьбу против войны. После свержения царизма он хотел пробраться в Россию, но французская буржуазия не хотела его пропускать. Пришлось ехать через Германию. 3/16 апреля 1917 года Владимир Ильич приехал в Питер и произнес с броневика свою первую речь с призывом — „вся власть Советам“.

После июльского выступления рабочих и солдат Петрограда, Ильич принужден скрываться от ищейек Керенского. Скрывался он сначала в рабочих кварталах, затем в шалаше на сенокосе, у станции Разлив, и, наконец, на квартире... начальника гельсингфорской

(главный город Финляндии) милиции тов. Ровиа. Оттуда, из своего подполья, Ильич торопил ЦК партии с захватом власти и сам разрабатывал план восстания.

После победы Октябрьского восстания Владимир Ильич был избран председателем Совета Народных Комиссаров и в течение 4½ лет руководил Советской республикой, был вождем международного пролетариата.

30 августа 1918 года эс-эрка Каплан ранила Ильича отравленными пулями. Его могучее тело вынесло ранение и оправилось. Но „не осилили его сильные, так подрезала осень черная“. Не взяла пуля, взяло переутомление. Нечеловечески работал Ильич и в конце концов переработался.

В конце 1921 года начал Владимир Ильич прихварывать, а в мае 1922 года появились серьезные признаки опасной болезни: Ильич потерял способности говорить, действовать правой рукой и правой ногой. К октябрю положение улучшилось, Ильич даже выступил с несколькими большими речами, написал ряд замечательных статей. А в марте 1923 года — снова резкое ухудшение здоровья.

В мае Ильича перевезли на хутор Горки. Здесь он стал понемногу поправляться. Врачи уже рассчитывали, что он будет, хоть медленно, выздоравливать. Вдруг в незабываемый день 21 января 1924 года в 6 часов вечера наступил сильнейший приступ болезни, и в 6 часов 50 минут великого вождя рабочих всего мира не стало.

Такова внешняя сторона жизни Владимира Ильича Ленина. Вся жизнь его была отдана делу освобождения рабочего класса.

Как и с кем он боролся, чему он учил, мы узнаем дальше.

2. Тов. Ленин о значении пролетариата в революции.

Мы уже знаем, что еще юношей проникся Владимир Ильич революционным настроением. Задумался он, какая сила может вывести Россию из царства угнетения, насилия, нищеты. И ответ он нашел в книгах великого учителя рабочих—Карла Маркса. Еще в 1847 году Маркс доказал, что всеобщее довольство и свобода наступят только после уничтожения частной собственности на фабрики, заводы и землю, а уничтожить частную собственность может только пролетариат, если он захватит власть и установит свою диктатуру (господство). Этому учил Карл Маркс.

Между тем, в России фабрично-заводских рабочих было тогда еще мало.

Главную массу населения составляло нищее и забитое мелкособственническое крестьянство. И вот тогдашние социалисты (сторонники уничтожения частной собственности) думали, что к России учение Маркса применить нельзя: в России социальную революцию (переворот, вводящий общую собственность на фабрики и землю) произведет не рабочий класс, а крестьянство. Эти социалисты не понимали значения пролетариата и крупной промышленности, и назывались они народниками.

Первые русские марксисты—тов. Ленину среди них одно из главных мест—стали сурово бороться с народническими взглядами. Уже в первой своей подпольной книжке „Что такое друзья народа“ Владимир Ильич доказывал, что и в России главным борцом за социализм является пролетариат.

Но в России прежде, чем вводить социализм, надо было еще проделать большую работу. Всем заправляли

помещики во главе с царем, грабили крестьянство, — оно, разоренное, не могло покушать товаров. Поэтому не могла успешно развернуться фабрично-заводская промышленность. Да при царском гнете трудно было и просвещать рабочих, еще труднее их организовывать, — ни газет рабочих нельзя было издавать, ни профсоюзов образовывать. Прежде всего надо было покончить с царизмом, с крепостниками-помещиками, добиться свободного политического строя, а уже потом организованно повести рабочих на борьбу за социализм.

И вот в газете „Искра“ (1900 — 1903 гг.) Ильич постоянно доказывает, что и в этой первой революции против царизма руководящую роль должен играть рабочий класс. За границей, где фабрики и заводы появились раньше, буржуазия местами решительно боролась с помещиками за власть. Но в России — доказывал Владимир Ильич — дело обстоит иначе. У нас фабрики и заводы начали расти поздно, когда за границей пролетариат много лет уже боролся за свои права. И русская буржуазия сразу столкнулась с своим смертельным врагом. Поэтому, как она ни сердита на помещиков, а пуще боится рабочих и все отдаст, лишь бы царь защитил ее от пролетариата. И в борьбе против царизма застрельщиком в России может явиться только рабочий класс, опирающийся на крестьянство (о крестьянстве поговорим дальше).

Такой взгляд на значение пролетариата и русской революции у Ильича окончательно сложился ко времени революции 1905 года. Этот взгляд он и провел на III съезде партии в мае 1905 года. Когда осенью 1905 года в Ленинграде (тогда еще Петербурге) образовался Совет Рабочих Депутатов, тов. Ленин присмотрелся к нему и решил, что такие Советы и будут рабочей властью, это и есть проявление диктатуры рабочего класса, уничтожающего в союзе с крестьянством царизм и господство крепостников-дворян.

Эту идею Владимир Ильич отстаивал и дальше, — все годы. Как только он приехал в 1917 году в Россию, он сразу заявил, что пришла пора бороться за осуществление диктатуры пролетариата. Но на этот раз — учил тов. Ленин — пролетариат должен захватить власть не только для того, чтобы покончить с помещиками, а для того, чтобы покончить с буржуазией и в союзе с мировым рабочим классом строить социализм.

После Октябрьской революции (а Октябрьская революция как-раз осуществила мысль Маркса о диктатуре пролетариата) тов. Ленин показал на деле, как руководить этой диктатурой. Мало того, он в ряде речей и статей, пользуясь опытом русской революции, доказывал рабочим и крестьянам всего мира, что иного выхода, кроме диктатуры пролетариата, у них нет. Напрасно соглашатели всех сортов кричали, что рабочий класс должен прийти к власти „законным“, „демократическим“ путем, — получит, мол, на выборах в парламент (государственную думу) большинство, тогда бери власть, а до того не смей! Ильич доказал, что при буржуазном строе, когда и государство и школа, и газета, и церковь, — все в руках капиталистов, рабочий класс никогда не получит мирным путем большинства. Наоборот, он должен проникнуться сознанием своей задачи, захватить власть и, пользуясь властью, привлечь на свою сторону широкие трудовые массы.

Недаром еще в 1903 году II съезд партии принял предложенную Ильичом партийную программу, в которой открыто говорилось, что „необходимое условие социальной революции составляет диктатура пролетариата“. Это было принято в то время, когда большинство рабочих партий Европы (даже лучшая из них тогда — германская социал-демократия) в своих программах не упоминало о диктатуре пролетариата, — так дорожили они тем, что могли открыто работать

в своих странах, так боялись преследований, стесняющих эту открытую работу. В России царский гнет не позволял совершенно открыто работать, но зато он помогал тому, что русские революционеры привыкли вести прямую неприкрытую классовую линию.

Всю жизнь учил Владимир Ильич, что в России и в борьбе с царизмом, и в борьбе с капитализмом последовательным передовым борцом является только рабочий класс. Пролетариату — учил Ильич — принадлежит руководящая роль в революции. Если он эту роль потеряет, революция погибнет. И освободить человечество может только пролетариат, утвердив свою диктатуру для подавления буржуазии и для строительства нового мира.

Но Ильич не только учил этому, не только сам руководил пролетарской борьбой и пролетарской диктатурой. Ильич умел всегда на деле быть связанным с массой того класса, на который он возлагал столько надежд.

Величайший ученый и вождь партии, Ильич никогда не упускал случая поговорить с рядовым рабочим, узнать о пролетарском житье-бытье, о пролетарских настроениях, чувствах. Не многие рабочие знают, что творцом идеи рабкоров является Ильич. Еще в 1904 году, задумав издавать за границей газету „Вперед“, Ильич писал в письме к одному товарищу, что надо всячески побудить сотрудничать в газете самих рядовых рабочих от станка. И газета „Правда“ 1912-1914 года, действительно связавшаяся с рабочими, действовала так по мысли Ильича, под его руководством, — даром, что она издавалась в Питере, а он жил в Австрии.

И потом, став главой государства, Ленин не терял связи с рабочими. Он находил время писать личные письма многим рабочим, всегда охотно выслушивал их соображения, откликался на них.

Выступал Ильич всего охотнее на рабочих собраниях в районах. Очень характерно, что эс-эрка Каплан стреляла в Ильича в 1918 году как раз в тот момент, когда он выступил жалобу двух работниц на неправильную реквизицию хлеба у них.

Рабочий класс — главная сила революции, ее руководитель, вожь всех угнетенных. Диктатура рабочего класса — единственный путь к освобождению. Связь с рабочей массой, учет ее настроений — важнейшее условие успеха коммунизма. Вот первый из заветов Ильича.

3. Ленин — строитель коммунистической партии.

Главенство рабочего класса в революции — основная мысль Ильича. Но рабочий класс не весь одинаков. Часть его еще имеет землю в деревне и является наполовину мелко-собственнической, часть живет домками — по-хозяйски; одни окончательно привыкли к заводской спайке, другие тянут еще врозь, одни грамотны, сознательны, другие темны, забиты. Бороться тут можно, только имея организованный авангард (передовой отряд), организованный штаб, то-есть партию.

С первых шагов своей революционной деятельности Владимир Ильич доказывал, что рабочий класс России должен создать свою особую политическую партию, отстаивающую его интересы. В то время — лет 25-30 тому назад — многие буржуазные интеллигенты, желая вырвать себе уступки у царизма, примазались к рабочему движению, назвались даже марксистами. Эта мнимо-марксистская публика говорила, что рабочие должны бороться с хозяевами лишь за свои копеечные интересы, а в политике только поддерживать буржуазию. Свою, мол, партию рабочим надо будет создать только тогда, когда

царизм будет свергнут и можно будет открыто работать.

— Неправда — возразил им Ильич, — если не создать особой рабочей партии, царизма не свергнешь, а рабочие будут только своими руками для капиталистов жар загребать.

А раз так, у Ильича слово никогда не расходилось с делом: когда т. Ленин в 1900 г. создавал за границей коммунистическую (или, как тогда говорили, социал-демократическую) газету „Искра“, Ильич думал, что эта газета поможет собрать воедино рабочих-революционеров, организовать рабочую партию. Так на деле и случилось.

Но мало признать, что надо создать партию, надо еще решить, как ее создавать. Расхлябанные мещане-интеллигентники и некоторые бессознательные рабочие говорили, что если уж строить партию, то по всем правилам демократизма, со строгой выборностью комитетов, со строгой и постоянной отчетностью. Привлекать в партию — говорили эти господа — надо каждого, кто сочувствует взглядам партии и платит членский взнос.

Ильич блестяще доказал, что это — болтовня людей, желающих увильнуть от настоящей борьбы.

Демократизм — говорил он — очень хорошая вещь, и, когда можно, его надо проводить. Но строить партию на основе демократизма в условиях царской России — значит помогать жандармам. Выбирать комитет на общем собрании, когда жандармы следят за каждым шагом, везде посылают своих шпииков, — значит идти на заведомый провал. Требовать полной гласности и отчетности, когда малейшее указание может помочь жандармам узнать все, преступно и равносильно предательству. Надо проводить в работе партии демократизм, когда условия это позволяют. Но делать из демократизма идола и

требовать, чтобы его проводили всегда и всюду во что бы то ни стало, могут только интеллигентские болтуны.

То же и с вопросом, кто должен быть членом партии, из кого должна состоять партия. Если членом партии будет считаться каждый, кто „сочувствует“ ей, получится не передовой отряд, не штаб, а кисель, говорушня.

— Партия — учил тов. Ленин — должна быть железной организацией „профессиональных революционеров“, то-есть таких людей, для которых революционная борьба является профессией, основным делом жизни. Тогда она будет сильна, тогда она будет способна сплотить рабочих и повести их на решительный бой с царизмом.

И еще одному учил тогда Владимир Ильич: понятно, в партии должна быть свобода критики работы комитетов, но эта свобода критики ни в коем случае не может превращаться в свободу неподчинения дисциплине, в свободу предательства. Критикуй комитет, но не смей звать к сдаче на милость буржуазии, критикуй комитет, но помни, что партийная дисциплина — прежде всего. Все эти взгляды Ильич прекрасно изложил в 1902 году в своей замечательной книжке „Что делать“.

К 1903 году Ильич при помощи газеты „Искра“ действительно связался с местными социал-демократическими организациями. В апреле 1903 года в Брюсселе (в Бельгии) собрался созванный „Искрой“ II съезд Р. С.-Д. Р. П. (Российской Социал-Демократической Рабочей Партии). Скоро заметили, что бельгийская полиция слишком следит за съездом. Пришлось переехать в Лондон (в Англии) и там закончить работы съезда. На этом съезде и разыгрался большой спор по вопросу, кого считать членом партии. Владимир Ильич говорил: только того, кто активно участвует в подпольной партийной организации. А Мартов говорил: нет, всякого, кто сочувствует партии и платит членский взнос.

Так окончательно обнаружилось два противоположных взгляда на партию: пролетарский взгляд на партию, как на боевую дисциплинированную организацию рабочих-передовиков, и мещански-интеллигентский взгляд на партию, как на мягкую, туманную, безвольную интеллигентскую говорильню. Партия революционного пролетарского действия или партия мещанской болтовни — так стал вопрос. Большинство съезда шло за Лениным, меньшинство — за Мартовым. Отсюда и пошли большевики и меньшевики.

После съезда окончательно увидел Ильич, что Мартов и его сторонники тянут партию в болото. И вот, сторонник железной дисциплины и единства, Ильич не остановился перед расколом, раз он убедился, что его противники изменяют делу рабочего класса.

Так Ильич строил партию еще 20 лет тому назад. Так же он строил ее в дальнейшем. Под его руководством воспитался железный отряд закаленных большевиков-марксистов, „профессиональных революционеров“, для которых партия — все, партийная работа — вся жизнь. Под его руководством партия прежде всего заботилась о сплоченности, единстве, дисциплине, а не о словесном демократизме. И в то же время при малейшей возможности партия всячески старалась вызвать побольше самостоятельности рядовых членов-пролетариев, провести побольше демократизма в партийной работе на деле, если это позволяли условия. Но, ставя выше всего единство, партия научилась под руководством все того же Ильича беспощадно рвать с теми, кто изменяет пролетариату, кто ведет рабочее дело к гибели и позору.

Выше всего цenia партийную дисциплину, сурово бичуя дезертиров, Ильич в то же время превосходно понимал, что без товарищеских отношений в партии дисциплина непрочна. Он сам был чутким, отзывчивым, заботливым, прекрасным товарищем. Всякая заносчи-

вость, задиранье носа, генеральство были отвратительны ему. Он — величайший вождь революции — до конца, даже став главой государства, был доступен и ласков со всеми товарищами и даже выговор умел делать, не оскорбляя. У партийного бюрократизма не было более непримиримого врага, чем тов. Ленин.

Если какой-нибудь товарищ „бузил“, ворчал, уклонялся частично от правильного пути, Ильич никогда не покрикивал на него по-генеральски, а старался втянуть его в работу, убедить его, показать ему на деле его неправоту. И только, если „бузотер“-товарищ окончательно свихивался и изменял, Ильич рвал с ним, но зато с изменниками рвал бесповоротно и решительно.

За годы деятельности Ильич не раз менял приемы партийной работы. В глухом подполье приходилось строить партию только сверху, тщательно подбирал работников и избегая демократизма. В 1905 и 1917 годах удалось несколько расширить работу, шире пробуждать самодеятельность. В годы военного коммунизма опять свернулись, ввели военные приемы: приказ—исполнение. После окончания гражданской войны стало возможным снова начать разворачивать демократизм. Тот или иной прием работы никогда не был для Ильича идолом. Всему свое время. Только одно всегда надо помнить: храни сплоченность и дисциплинированность партии пуще всего! Критикуй, но бойся нарушить единство действия хотя бы на каплю! Не превращай партию в расхлябанную говорильню, не забывай, что она — организация бойцов, а не краснобаев! Рви с предателями и отступниками беспощадно!

И еще одному учил Ильич, строя нашу партию: пусть партия остается железным отрядом передовиков, но пусть она не замыкается в себя, не отрывается от широкой рабочей массы! Стой на своем твердо, но внимательно вслушивайся и всматривайся, чем живут, чем

дышат, что думают рабочие массы, непрерывно неси им свои идеи, организуй их. Иначе ничего не сделаешь!

И Ильич выковал партию на славу. Только потому, что его заветы были в нашей партии проведены в жизнь, партия удостоилась великой чести создать первое в мире рабочее государство.

4. Ленин в борьбе с соглашательством.

Выработав свой взгляд на значение пролетариата в революции и на задачи партии, тов. Ленин естественно должен был вступить в жестокую борьбу со всеми противниками этих взглядов. А такие противники имелись не только среди помещиков и капиталистов, но и среди членов партии, среди рабочих. Позже пришедший на завод, не порвавший еще окончательно с собственным хозяйством рабочий всегда легче поддается на буржуазную удочку, менее пригоден к революционной борьбе. А разные буржуазные интеллигенты, прикрывавшиеся социалистической маркой, играли на этом и околпачивали этих рабочих.

Мы знаем уже, что еще тогда, когда Ильич был в Сибири в ссылке (1897-1900 годы), многие буржуазные интеллигенты примазались к рабочему движению. По сути дела они стремились только к тому, чтобы добиться от царя политических уступок для себя, для буржуазии, а для этого пробовали опереться на рабочие массы, — больно это крупная была сила. Вот и учили эти господа (Кускова, Прокопович и др.), что рабочие должны самостоятельно заниматься лишь „экономической“ борьбой, то-есть борьбой с хозяевами за частичные мелкие улучшения, за увеличение заработной платы, сокращение рабочего дня и тому подоб-

ное, а в борьбе политической, в борьбе за власть, рабочие должны, мол, поддерживать либеральную („свободо-мыслящую“) буржуазию. Этих господ, которые хотели сделать рабочих только орудием, игрушкой буржуазии, называли „экономистами“ за то, что они учили рабочих ограничиваться лишь экономической борьбой. Одна из главных „экономисток“, Кускова (теперь она за границей в белой эмиграции обретается), в 1899 году изложила взгляды „экономистов“ в статье „Кредо“ (по-латыни „верую“, значит: вот, мол, во что мы верим).

Как только Ильич в ссылке получил от своей сестры Анны Ильиничны это самое „Кредо“ (переслано оно было с письмом, писанным особыми химическими чернилами, снаружи не заметными), сразу он понял, что „экономисты“ предают рабочее дело. Собрал Ильич 17 человек окрестных товарищей-ссылных и, составив протест против „Кредо“, послал этот протест от общего имени тайком за границу. Там этот ильичевский протест и был напечатан.

Когда же Ильич выбрался за границу и наладил там знаменитую газету „Искра“, он начал беспощадно бороться с „экономистами“. Он их крыл в своих статьях и брошюрах, он раз'яснял ошибки и грехи „экономистов“ приезжавшим из России товарищам. В то время рабочие массы в своей повседневной борьбе все чаще убеждались, что царское правительство — их враг, и сами начинали переходить к политической борьбе с царизмом. Жизнь, таким образом, доказала, что правы не „экономисты“, не Кускова с компанией, а „искровцы“ (так называли сторонников „Искры“), Ленин и его единомышленники. „Экономисты“ потеряли всякое влияние на массы, даже самые отста-лые, и II съезд партии в 1903 году окончательно свела их на нет.

Но зато на этом самом съезде часть „искровцев“ во главе с Мартовым свихнулась с правильного пути. Мы знаем уже, что споткнулась эта публика на вопросе о том, кто должен считаться членом партии. Вопрос, казалось бы, не такой страшный, чтобы раскалываться, — не вопрос о судьбе революции. Но Ильич сразу почувал, что Мартов и его друзья ослабляют партию, уклоняются с правильного пролетарского пути. Много тогда обвиняли Ленина, что он из мухи делает слона, что он — раскольник, фантазер. И что же? Прошло полтора года, и Мартов с друзьями (меньшевики) показали настоящее свое лицо.

В России в то время надвигалась революция 1905 г. Царизм потерпел позорное поражение в войне с Японией. Вся страна волновалась. Буржуазия надеялась урвать у царя для себя пару-другую уступочек. Рабочие, доведенные до отчаяния, бурно искали выхода. Крестьянство глухо кипело и готовилось искать управу на помещиков. И вот меньшевики стали рассуждать: фабрик и заводов в России мало, социализма так не построишь, рабочий класс слаб, а, следовательно, он не должен стремиться к захвату власти, а должен поддерживать либеральную буржуазию в ее „борьбе“ с царизмом. Словом, старая погудка „экономистов“ на новый меньшевистский лад.

Но ведь Ильич утверждал, что в борьбе с царизмом русская буржуазия ни на что не годна, а свергнуть царизм может только пролетариат в союзе с крестьянством. Увидел Ильич, что недаром он сразу почувал на съезде в Мартове и его друзьях не пролетарских революционеров, а оппортунистов (соглашателей с буржуазией).

В мае 1905 года в Лондоне произошел III съезд партии. Меньшевики отказались в нем участвовать и созвали свою отдельную конференцию в Женеве

(Швейцария). Лондонский съезд принял целиком взгляд Ленина, что пролетариат в союзе с крестьянством должен стремиться к захвату власти для уничтожения всех остатков крепостничества, помещичьей власти и царизма. А женеvская конференция решила, что пролетариат должен побуждать либеральную буржуазию захватить власть и поддерживать ее в этом стремлении. Так окончательно определились два течения в рабочем классе: революционное — ленинское и соглашательское — меньшеvистское.

Тов. Ленин окончательно обосновал свой взгляд и разоблачил предательство меньшеvиков в книжке „Две тактики социал-демократии в демократической революции“, изданной за границей в июне 1905 года. Рабочие массы пошли по пути, указанному большевиками; в октябре они создали свои Советы, а в декабре 1905 года в Москве и других местах рабочие восстали с оружием в руках. Однако, неорганизованное крестьянство во-время не поддержало рабочего класса и революция зверски была подавлена. Многие партийные рабочие думали, что виною послужили распри между большевиками и меньшевиками. Не понимали эти товарищи, что спорят революционеры с приспешниками буржуазии, думали они, что свои из-за пустяков дерутся. Ильич и большевики уступили этим рабочим, решили попробовать опять соединиться с меньшевиками в одну партию. Знал Ильич, что толку из этого не будет, но пошел на этот опыт, — пусть партийцы-рабочие сами убедятся. В апреле 1906 года в Стокгольме (Швеция) произошел IV съезд партии вместе с меньшевиками (оттого этот съезд и называется „объединительным“).

Однако, долго пожить большевикам с меньшевиками не удалось. В то время победивший царизм загнал революционных рабочих в глухое подполье, свиреп-

ствовали военно-полевые суды, шли расстрелы, каторга и тюрьмы были переполнены, лучшие товарищи погибли, рабочие организации были разгромлены. И большинство меньшевиков запело новую песенку: революция окончательно разбита, новой ждать не приходится, царь все-таки дал государственную думу, надо бросить подпольную революционную работу и заняться только мирной „законной“ работой. А для одной этой работы подпольная партия не нужна — значит, партию можно ликвидировать (уничтожить). За такую линию этих меньшевиков тогда прозвали „ликвидаторами“. Такого предательства Ленин вытерпеть не мог. Оставаться в одной партии с ее могильщиками было невозможно, и вот в январе 1912 года в Праге (Чехия) произошла партийная конференция под руководством Ленина, которая исключила „ликвидаторов“ из партии. Так произошел второй, на этот раз окончательный раскол большевиков с меньшевиками. Вплоть до самой войны Ильич сурово боролся с ликвидаторскими предателями.

Наступила мировая война. Во всех странах большинство рабочих вождей перешло на сторону буржуазии. И среди русских меньшевиков большинство стало проповедывать, что надо поддержать царское правительство и Антанту (союз Англии, Франции и Италии) в борьбе с Германией. Среди этих „оборонцев“ (то-есть социалистов, призывавших оборонять „свой“ буржуазные отечества) были даже такие заслуженные социал-демократы, как Плеханов. Но Ильич не смутился. Он сразу же заявил, что рабочий класс вовсе не заинтересован в победе „своего“ правительства, а заинтересован в свержении всех буржуазных правительств. Ильич заявил, что капиталистический строй сгнил, что ничего, кроме бесконечных войн, он дать не может. А выход один: превратить грабительскую империалистическую войну в революционную гражданскую

войну пролетариата всех стран за свое освобождение. Ильич стал беспощадно разоблачать не только „оборонцев“, но и тех колеблющихся социалистов, которые были против войны, но и не стремились в то же время к революции.

В марте 1917 года рабочие и солдаты Петрограда свергли царя, но, пользуясь их неорганизованностью, власть захватила буржуазия. В Советах большинство получили соглашатели-оборонцы. Теперь меньшевики-оборонцы попробовали провести в жизнь свою старую мысль: революция должна, мол, передать власть буржуазии, а рабочие, мол, должны поддерживать буржуазное временное правительство. Когда же это правительство стало трещать по швам, меньшевики попробовали поддержать его, послав в его состав своих главарей — Церетелли, Скобелева, Гвоздева. Как только вернулся Ильич в Россию, он стал усиленно раскрывать глаза трудящимся массам на обман меньшевиков, которые грабительской войны не кончили, буржуазных прибылей не ограничили, земли крестьянам не отдали. И к октябрю массы пошли за Лениным, меньшевики оказались в Советах в ничтожном меньшинстве. Октябрьская революция покончила с буржуазно-меньшевистской властью и передала ее единственной настоящей партии рабочего класса — большевикам. Чтобы окончательно отмежеваться от соглашателей, VII съезд нашей партии в марте 1918 года, по предложению Ленина постановил называть впредь партию не социал-демократической, а Российской Коммунистической Партией (большевиков).

Так в продолжение 25 лет Ильич неустанно боролся с соглашателями. По-разному эта публика называлась: то экономистами, то ликвидаторами, то меньшевиками, то оборонцами, но особенность их была одна. Все они старались лишить рабочий класс руково-

дющего значения в революции и подчинить его буржуазии. Владимир же Ильич все время противопоставлял им идею гегемонии (главенства) рабочего класса в революции.

5. Ленин о значении крестьянства в революции.

Не надо думать, что Ильич спорил с соглашателями так: знать ничего не хочу, шапками всех закидаем, подавай мне пролетарскую диктатуру — и все тут. Еще Маркс учил: взвесь силы всех классов в стране в данное время, учти их и, уже беря во внимание этот учет, намечай свою линию борьбы. Так всегда поступал и Ленин. Еще задолго до октября 1917 года, в начале революции 1905 года, Ильич прекрасно сознавал, что рабочий класс в России одними своими силами власти ни захватить, ни удержать не сумеет: слишком мало у нас рабочих. А ждать помощи и освобождения от буржуазии не приходится, — буржуазия прекрасно спелась с царизмом, и хушшего, чем она, врага нет у русских рабочих. Как тут быть?

Ильич тогда же нашел для российского пролетариата выход: надо искать союзника против царя, помещиков и капиталистов. И такого союзника Ленин тогда же указал: крестьянство — вот главный союзник пролетариата. Если пролетариат в России перетянет на свою сторону крестьянство (а крестьян у нас большинство), победа будет обеспечена.

Но ведь марксисты всегда говорили, что особенно рассчитывать на крестьянство в борьбе за коммунизм не приходится. Средний крестьянин (не говоря уже о кулаке-мироезде), как он ни страдает, а все же свой клочок земли имеет, значит он — мелкий собственник,

и всегда у него теплится где-то в уголке сердца надежда: авось, разживусь, выйду в люди, хозяином стану. Вот тут и выходит, что средний крестьянин помещика и капиталиста за их грабеж ненавидит, а в то же время и коммунизма (уничтожения частной собственности, перехода к общему владению и общей работе) боится. К тому же крестьяне — не то, что рабочие. Рабочие работают скопом на фабриках и заводах и привыкли бороться скопом, организованно, а крестьянин работает у себя на клочке земли в одиночку и к организованности не привык. Поэтому твердо опереться в борьбе за коммунизм на крестьянство нельзя, а можно опереться только на пролетариат: ему терять нечего, он спаян, сплочен, организован. Это всегда говорили марксисты, это всегда говорил и Ленин. Еще 30 лет назад он старательно втолковывал это в головы народникам, не желавшим этого понимать.

— Но — говорил Ильич в 1905 году — русское крестьянство еще не отделалось полностью от остатков крепостного права (земские начальники, розги и многое другое), земли находятся у помещиков. Крестьяне кровно заинтересованы в том, чтобы прогнать дворян-помещиков и захватить себе их землю. Это — не борьба за коммунизм, это — борьба за уничтожение последних остатков крепостного права, и эта борьба близка и доступна каждому крестьянину. Но прогнать помещиков нельзя, не уничтожив царской власти, — ведь царь — только главный помещик. А буржуазия у нас из боязни пролетарской революции тесно спаялась с царизмом. Вот и получается, что крестьянство не может получить земли, не дав по шее царизму, помещикам и капиталистам. Но ведь царизм, помещики и капиталисты — главные враги рабочего класса. Оказывается, пролетариат и крестьянство желают разного, а враг у них общий. Без руководства организованного

революционного пролетариата, распыленное, не привыкшее к организации, крестьянство земли не получит. Если оно хочет ее получить, оно должно пойти за пролетариатом. В свою очередь, пролетариат не может победить своих врагов без поддержки крестьянства.

Поняв это, Ильич в 1905 году провел на III съезде партии взгляд, что для уничтожения царизма пролетариат должен в союзе с крестьянством захватить власть, нужна „революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства“ (рабоче-крестьянская власть, вводящая свободный политический строй и уничтожающая господство царя и дворян). Так, еще в 1905 году великий вождь доказал, что только союз пролетариата с крестьянством обеспечит победу революции. И действительно, революция 1905 года была разбита, потому что крестьянство по настоящему не поддержало рабочего класса.

Пришла вторая революция, сбросившая царизм. И снова Ильич заявляет: одно спасение — в союзе пролетариата с крестьянством. Пролетариат должен повести крестьянство за собой и захватить власть. Без этого крестьянство ни земли, ни мира не получит. Но тут пришли эс-эры с Керенским и Черновым. Эти господа называли себя „крестьянской“ партией и говорили: крестьянство вовсе не должно пойти за пролетариатом, а должно вести свою особую линию. Что же получилось на деле? Эс-эры вместе с меньшевиками вошли в буржуазное временное правительство, земли крестьянам не дали, мира не предложили. Это, мол, сделает учредительное собрание, а учредительное собрание соберется, когда рак в губу свистнет. Мало того, по приказу английских и французских капиталистов эс-эры погнали русскую армию (а большинство-то в ней крестьяне) в бессмысленное наступление против

немцев. А в тылу еще хуже: не вытерпели крестьяне, сами стали захватывать помещичьи земли, а эс-эровский министр Авксентьев стал их за это в тюрьму сажать да посылать в деревню солдат на защиту помещиков. Вышло, что эс-эры хотели „спасти“ крестьянство от подчинения пролетариату, а подчинили его помещикам и капиталистам.

Словом, полностью подтвердились мысли Ильича. И все время он твердил крестьянам: не верьте эс-эровским басням, берите сами землю, братайтесь с немецкими солдатами, помогите рабочим взять власть. Так, в октябре 1917 года пролетариат при поддержке крестьянства и взял власть.

Но, оказавшись во главе рабочих и крестьян у власти, Ильич не зарвался. Он говорил: помните, что мы победили благодаря союзу рабочих и крестьян. Да, мы теперь будем строить новое коммунистическое хозяйство, да, мы будем помогать рабочим других стран, но и строительство это надо основывать на союзе рабочих с крестьянами.

Будем строить так, чтобы крестьянство не оторвалось от нас. Руководства рабочий класс выпускать из рук не может, а то революция прахом пойдет, но и разрыв с крестьянством к тому же приведет. Так и действовали партия и Советская власть во все годы революции.

Трудные бывали дни в годы гражданской войны. Белогвардейцы захватили самые хлебобродные области России. Не было хлеба, рабочий класс мог вымереть с голода, заводы, фабрики останавливались, армия голодала. А кулаки-богатеи не хотели давать хлеба. Понял Ильич, что дело плохо, и кликнул клич к деревенским пролетариям-батракам, к деревенской бедноте: вы такая же голь, как городской пролетарий. Помогите! Создайте комитеты бедноты! Выжмите из

кулака хлеб, а то пропадем. Было это в 1918 году. Нажали комитеты бедноты, достали хлеб, накормили хоть немного рабочих и армию, и революция была спасена.

Но комитеты бедноты часто ударяли не только по кулакам, а и по середнякам. Ильич это сразу заметил, и весной 1919 года, чуть полегчало, провел на VIII съезде партии строгий наказ: бедноту поддерживай, но и середняка не обижай. И, действительно, во все время гражданской войны союз рабочих с крестьянами был прочен. Знали крестьяне, что с белыми идет помещик землю у них отбирать, и шли в красную армию на защиту Советской власти. Трудные были времена. Приходилось проводить продразверстку, отнимать у крестьян для армии и рабочих весь излишек хлеба, а иногда и часть необходимого. Но без этого на войне нельзя было победить белых, и крестьяне шли на эти тяготы.

Кончилась гражданская война. Заколебалось, зашаталось крестьянство, острее почувствовало тяжесть разверстки. Опять эс-эры стали его подучивать: уйди из-под руководства рабочего класса, разорви союз с ним. Но Ильич сразу сообразил, чем это пахнет. Нет, — сказал он — этот номер не пройдет. Снова подчинить крестьянство буржуазии эс-эрам не удастся. Но разверстку отменить действительно надо. Иначе не поправишь крестьянского хозяйства, — не будет хлеба и сырья, промышленности не наладишь. И на X съезде партии Ильич провел отмену продразверстки, замену ее продналогом и разрешение крестьянам торговать своим хлебом. Поняли крестьяне, что союз с рабочими нужен и полезен, и опять сорвалась эс-эровская затея.

А Ленин все время продолжал объяснять: в годы войны с белыми нас с крестьянством роднила общая винтовка против помещика и капиталиста. Теперь мы

строим коммунистическое хозяйство. Но крестьян насильно к общему хозяйству не приучишь. Надо дать им сельско-хозяйственные машины, надо их всех грамоте научить, надо в деревню электричество провести, надо им хорошие государственные товары подешевле продавать, — иными словами, надо наладить хозяйственную смычку города с деревней. Только при этом условии пролетариат сохранит свое руководство, и революция победит окончательно.

Трудно провести это в жизнь в нашей отсталой, разоренной стране, но партия и Советская власть все время стремятся осуществить этот завет Ильича и понемногу достигают успехов. Но встает вопрос, как мог Ильич, сидящий в Кремле в Совнаркоме, так улавливать настроения крестьянства. Объясняется это просто: Ильич никогда не упускал случая лично побеседовать с крестьянским ли ходоком или с случайно встретившимся крестьянином. Он охотно читал получавшиеся в газете „Беднота“ письма крестьян. Местным работникам он прежде всего всегда задавал вопрос, о чем думает, чего хочет крестьянство.

Сохранить руководящее значение рабочего класса, но в то же время чутко слушать, чего хочет крестьянство, считаться с ним, хранить союз рабочих и крестьян, — таков завет Ильича.

6. Ленин и восстание.

Владимир Ильич не только правильно оценил значение каждого класса в революции, не только правильно построил передовой отряд пролетариата — Коммунистическую партию, не только всю жизнь доказывал лживость, дрянность и вред соглашательских бред-

ней. Он же указал правильное средство для захвата власти. Пользуйся любым способом, чтобы приучить рабочих к беспощадной борьбе с буржуазией, чтобы сделать им яснее их классовые задачи, но помни, что к власти пролетариат может притти только через вооруженное восстание. Так всегда учил Ленин.

Но не из тех был Ильич, у кого слова — сами по себе, а дела — сами по себе. Поняв неизбежность восстания, Ильич еще перед революцией 1905 года призывал всех членов партии, чтобы те все силы употребили на разъяснение широкой рабочей массе необходимости и неизбежности восстания. Наступил 1905 год, и Ильич увидел, что дело само идет к восстанию. И вот он начинает объяснять, что необходимо не только доказывать необходимость восстания, но и технически готовить его. Партийные организации — учил Ильич — должны, по возможности, устраивать тайком тир (помещения для стрельбы в цель) и учиться владеть оружием, чтобы в нужный момент пойти впереди. Мало того, владеющих оружием и имеющих оружие передовых партийцев и рабочих надо объединить в „пятки“ и „тройки“, в небольшие боевые дружины, которые в момент восстания смогут объединиться в сильные вооруженные отряды и организованно выступить на бой с правительственными силами.

— Это — ерунда! — завопили меньшевики. — Восстание нельзя подготовить искусственно. Рабочие отряды ничего не сделают против войска. Революция победит только тогда, когда войска сами перейдут на сторону народа. А до тех пор ничего не сделаешь. Техническая подготовка восстания — „тройки“ и „пятки“, — это нелепость, это — бланкизм. Так орали меньшевики. А надо пояснить, что бланкизмом называется учение французского революционера прошлого столетия Огюста Бланки, который думал, что кучка сговорившихся

смельчаков без всякой поддержки широких масс может захватить власть и произвести революцию.

Но Ильича нельзя было запугать словами. Никакого бланкизма тут нет и в помине — разъяснял он. — Речь идет не о том, чтобы заговорщики без масс подняли восстание, а о том, чтобы получше подготовить да организовать восстание масс. Разумеется, очень важно, чтобы войска перешли на сторону народа. Для этого надо вести усиленную подпольную работу в казармах, но прежде всего надо подготовить вооруженные силы пролетариата.

В декабре того же 1905 года рабочие Москвы, Ростова, Читы, Юзовки, Красноярска и других мест действительно поднялись с оружием в руках во главе с партийными боевыми дружинами. Деревня не поддерживала их, восстания были подавлены. Не надо было браться за оружие, — запищали с перепугу меньшевики. Не так отнесся Ильич, он говорил: **Надо** изучить, как сражались восставшие рабочие, что они сделали правильно и что ошибочно, тщательно продумать это, чтобы при следующем восстании этих ошибок не допустить.

Пришла великая революция 1917 года. И тут Ильич сразу заявил: пролетариат должен стремиться к захвату власти, а для этого прежде всего надо вооружить рабочих, создать рабочую красную гвардию. Но пока сил еще не было, Ильич был против того, чтобы затевать восстание. В апреле 1917 года министр временного правительства Милюков взбесил рабочих и солдат тем, что заявил, будто Россия будет воевать, пока этого хотят английские и французские капиталисты. Рабочие и солдаты Ленинграда устроили в знак протеста демонстрацию. Ленинградский комитет нашей партии увлекся и кликнул клич: долой временное правительство! Ильич сурово разругал увлекшихся това-

рищей из Ленинградского комитета. Такой клич, говорил он, можно было бы кликнуть, если бы у нас сейчас были силы свергнуть правительство. А раз таких сил у нас сейчас нет, нечего играть серьезными словами, надо упорно разъяснять массам вред политики правительства и вооружать рабочих, но не призывать свергать правительство. Так ценил Ильич восстание, так ненавидел он легкомысленное отношение к такому важному делу.

Но зато, когда Ильич убедился, что пора для восстания пришла, он бешено принялся за его подготовку. Но почему же Ильич в апреле думал, что пора не пришла, а в сентябре решил, что пришла? Вот почему: в апреле за нашей партией шло очень мало рабочих, а в октябре за нами было уже большинство пролетариата; далее, в апреле у нас ни в одном городе, ни на одном фронте среди солдат не было крупных сил, а в октябре в столицах (Ленинграде, Москве) и на ближайших к Ленинграду фронтах были сосредоточены крупные силы сторонников; между тем, борьбу решал прежде всего вопрос, кто победит в столицах; наконец, в апреле крестьянство верило эс эрам, а в октябре крестьянство (главная масса населения страны) все еще не получило земли, не было удовлетворено эс-эзовским и буржуазным временным правительством и, безусловно поддержало бы нас, если бы наша партия дала ему землю. Итак, три условия предсказывали победу: большинство пролетариата с нами, в главных местах у нас есть ударные кулаки, крестьянство недовольно буржуазией.

Когда Ильич выяснил это, он скрывался от шпионов Керенского в Финляндии. И вот в сентябре он посылает ЦК (Центральному Комитету) партии письмо за письмом, разъясняет, что пора восстать, что медлить нельзя, торопят ЦК, обращается с письмами о том же

прямо в Ленинградский и Московский Комитеты партии, прямо в рабочие районы, пишет ряд статей о том, как вести себя во время восстания, объясняет, что прежде всего надо захватывать: телеграф, телефон, мосты и вокзалы. Когда два члена ЦК заколебались и стали доказывать, что восставать — не время, Ильич обрушился на них со всей силой, со всей беспощадностью. Мало того, он приглашал к себе руководителей военной организации нашей партии, товарищей Антонова-Овсенко, Н. И. Подвойского и других, расспрашивал о наших силах, советовался, откуда начать вооруженные действия против правительства Керенского, где собрать главные силы, словом, разрабатывал с ними военный план восстания.

Не усидев в Финляндии, Ильич, несмотря на опасность, примчался в Ленинград, переодетый, в накладных волосах, присутствовал лично на важнейших партийных собраниях, торопил, разъяснял, организовывал. И, наконец, наступил день 7 ноября по новому стилю (25 октября по старому) 1917 года. План Ильича проведен в жизнь. Восстание произошло. Временное правительство свергнуто. II Всероссийский съезд Советов взял власть в свои руки и поставил Ильича во главе Совета Народных Комиссаров.

Но не прошло и двух дней после захвата власти, как стало известно, что бежавший из Ленинграда Керенский двинул против красной столицы казачьи полки под командой монархиста-генерала Краснова — того самого, что позже тысячами расстреливал рабочих и крестьян на Дону. Встал, поднялся ленинградский пролетариат. Только что созданный под руководством Н. И. Подвойского Народный Комиссариат по военным делам (военная комиссия) не успел еще наладить работы и с трудом справлялся с делом. Ильич сразу горячо заинтересовался делом обороны революции от

казаков. Сперва он начал требовать от Подвойского частых докладов и сообщений, а затем и сам стал руководить военными действиями. Узнал Ленин, что людей мало, а кронштадтских матросов не призвали, моментально поспешил на телеграф, сам переговорил с Кронштадтом, вызвал помощь людьми, кораблями, оружием. Ильич сам снесся с районами, поднял их на ноги. Наконец, распорядился перенести свой стол в комнату Подвойского, поместился рядом с ним и вместе с ним вплотную занялся обороной.

А когда Советская власть чуть-чуть утвердилась, Ильич сразу же выдвинул вопрос о том, что необходимо создать пролетарскую армию, вооруженную и обученную по всем правилам военной науки и техники. Без этого власти не удержишь. Так мысль Ильича о рабочих вооруженных „трояках“ и „пятках“ развернулась в мысль о многочисленной правильной Рабоче-Крестьянской Красной армии.

Отношение Ильича к восстанию это — величайший урок, который еще не раз пригодится рабочим всех стран. Иного пути к власти, кроме вооруженного восстания, для рабочего класса нет. Но играть с восстанием нельзя. Надо разъяснять неизбежность восстания широким рабочим массам, надо вооружать рабочих и учить их владеть оружием. Но восставать можно только тогда, когда большинство рабочего класса идет за партией, когда в главных местах собраны ударные кулаки, когда широкие нерабочие трудовые массы недовольны буржуазией. Зато, когда эти условия налицо, с восстанием нельзя медлить. Надо действовать быстро и решительно, надо наносить врагу удар за ударом. После начала восстания, колебание и трусость — смерть. Таковы заветы Ильича по вопросу о восстании.

7. Ленин и отступление.

Мы видели, что Ильич не шутил с восстанием, не давал кричать о нем раньше времени, но, когда время пришло, первый стал торопить взяться за оружие и сам принялся непосредственно и неутомимо руководить восстанием. Но Ильич велик не только, как вождь пролетариата, умеющий изумительно наступать на врага, а также и как вождь, умеющий во-время отступить в порядке с наименьшими потерями. А это умение порою решает вопросы жизни и смерти.

Первый раз это умение Ильича сказалось после неудачи революции 1905 г. Проявилось оно при обсуждении в партии вопроса, должна ли партия или нет участвовать в царской государственной думе. До 1905 года помещики правили страной руками царя без всяких намеков на выборные народные учреждения. В августе 1905 года царь, напуганный революционным движением, сделал „милость“ и обещал созвать выборную „совещательную“ государственную думу, т.-е. такую думу, которая вовсе не имела бы права издавать законы, а могла бы только „советовать“ царю ту или иную меру. Рабочее движение в то время шло в гору, нарастала октябрьская всеобщая забастовка, за ней — декабрьское вооруженное восстание. Пролетариат готовился попробовать окончательно свалить царизм. И вот Ильич — и с ним большевики — решили, что при таких условиях идти в царскую говорильню, обманную думу, значит ослаблять готовность рабочих к полному свержению царизма. Поэтому Ильич призывал рабочих в выборах в эту куцую думу не участвовать, — бойкотировать ее (т.-е. совершенно не иметь с ней дела, не считаться с фактом ее существования). И в это время, перед главными боями, Ильич был вполне прав.

И в 1906 году, когда, раздавив декабрьское восстание, кровавый царь созвал государственную думу (рабочих в нее почти не пустили, а главные места дали всяким собственникам), Ильич все еще ждал, что революция сейчас же снова подымет свою голову, и снова призывал бойкотировать выборы в думу.

Но вот наступил 1907 год. Царизм праздновал победу. Первую государственную думу царь разогнал, как только она очень робко заявила, что помещичью землю — за выкуп — надо отдать крестьянам. Даже это показалось нестерпимым помещичьему царю. Во главе правительства был поставлен свирепый палач Столыпин, который ввел военно-полевые суды и уставил страну виселицами. Мы знаем уже, что меньшевики с Мартовым и Даном во главе захотели отказаться от всякой подпольной революционной работы, „ликвидировать“ (упразднить, уничтожить) партию и заняться только „законной“ мирной работой. Иными словами, „ликвидаторы“ хотели превратить поражение пролетариата в позорную сдачу на милость царизма и буржуазии. Знаем мы также, что Ленин бешено протестовал против этих подлых попыток „ликвидировать“ партию. Но, яростно нападая на „ликвидаторов“, Ильич в то же время говорил: идти в царские учреждения в момент решительного боя с царем было глупо и вредно; но теперь мы разбиты в открытом бою, газеты, профсоюзы закрыты, мы лишены возможности широко распространять свои идеи в массах. Так легко оторваться от рабочих масс и потерять всякое влияние, а это хуже всего: поэтому теперь надо идти в любое учреждение, лишь бы оттуда можно было обращаться к рабочим массам, знакомить их с нашими взглядами; теперь надо идти и в государственную думу, конечно, не для того, чтобы работать в ней с помещиками и капиталистами, а для того, чтобы в своих речах на заседаниях думы изла-

гать свои взгляды и таким путем доводить их до масс. Но эта работа в любом открытом, дозволенном царизмом (легальном) учреждении будет полезна только тогда, если мы одновременно сохраним и укрепим нашу запрещенную (нелегальную), подпольную, революционную партийную организацию. Так говорил Ильич в 1907 году.

И что же? На него напали не только Дан и прочие ликвидаторы, но и целый ряд испытанных большевиков (Луначарский, Лядов и другие). Эти товарищи никак не хотели понять, что революция временно разбита и нужно отступить, но отступить так, чтобы потерпеть возможно меньший урон. Они не понимали, что отказаться от выступлений в царских учреждениях, как государственная дума, в то время значило отказаться от возможности выступать перед большими рабочими массами, а, следовательно, оторваться от масс. Не понимая этого, товарищи нападали на Ильича за его яко-бы „соглашательство“ и настаивали на продолжении „бойкота“ (за это их называли „бойкотистами“). Так и пришлось Ильичу вести жестокие споры и с правыми, и с левыми, и с „ликвидаторами“, и с „бойкотистами“.

Наступил 1908 год. Реакция окончательно восторжествовала, а „левые“ товарищи все еще упорствовали на своем взгляде, оторванном от жизни. Теперь они даже предлагали отозвать из думы рабочих депутатов, уже прошедших в нее (за это этих товарищей называли „отзовистами“). В мае споры между ленинцами и отзовистами обострились настолько, что „левые“ товарищи образовали особую группу „Вперед“. Ильич обрушился на „впередовцев“ со всем своим остроумием и суровостью. Он доказывал, что и „ликвидаторы“ и „впередовцы“ больны одним: и те и другие впали в панику, в перепуг от неудачи, — вот ликвидаторы и предложили сдаться буржуазии и прикончить

партию, а впередовцы захотели замкнуться в небольшую кучку и уйти от массовой борьбы. На деле и те и другие оставляют поле битвы классовым врагам пролетариата. Партия же должна сохранить свою организацию, укреплять ее и в то же время использовать все „легальные возможности“, чтобы связаться с массами.

Жизнь показала, что прав был Ильич. Именно потому, что он сумел во-время отступить в порядке, удалось сохранить партийную организацию и сохранить влияние на рабочих. С трибуны государственной думы, через легальную (открытую, разрешенную властями) газету „Правда“ (издавалась под разными названиями с 1912 по 1914 год), в разрешенных немногочисленных рабочих клубах большевики-ленинцы связывались с массами. И когда в 1912 году, после расстрела царским правительством рабочих на Ленских приисках, снова началось рабочее движение, массы пошли за большевиками, а не за ликвидаторами и не за впередовцами. Впередовцы же скатились так низко, что объединились в один союз с ликвидаторами. Так уклон от правильной пролетарской линии всегда ведет к врагам пролетариата, хотя бы уклон был и „левый“.

Та же история и в 1918 году. Ильич только что великолепно провел великое октябрьское наступление, но когда молодая Советская республика столкнулась с могучим немецким капитализмом, Ильич увидел, что силой сейчас не возьмешь. У нас не было еще армии, а армию в России не построишь без крестьянства. Крестьянство же очень устало от империалистической войны, да к тому же не почувствовало еще, как следует, что Октябрьская революция действительно дала ему землю. Надо было сделать какие угодно частичные уступки Вильгельму, лишь бы Советская республика получила передышку. За это время крестьянин отдохнул

бы, почувствовал бы обладание своей землей, и можно было бы создать Красную армию для защиты завоеваний революции. Иными словами, надо было отступить в частном, чтобы не потерять главного.

И опять меньшевики завопили, что надо пойти в полную кабалу английским и французским капиталистам, чтобы не делать частичных уступок немецким капиталистам, т.-е. Мартовы и Даны снова хотели превратить отступление пролетариата в сдачу на милость буржуазии. А в то же время увлекающиеся „левые“ товарищи во главе с Бухариным повторили ошибку „бойкотистов“, „отзовистов“ и „впередовцев“ — не хотели совсем понять неизбежность временного отступления. Они предлагали начать сейчас, несмотря на отсутствие сил, войну с Германией, а это привело бы к гибели. Большинство партии согласилось с Ильичом, Советская Россия получила передышку, а вскоре самые „левые“ поняли свою ошибку.

И в третий раз то же самое повторилось при переходе к новой экономической политике в 1921 году. Пришлось разрешить рынок, сдать часть предприятий в аренду капиталистам, сдать некоторые земли в разработку иностранным буржуям (дать концессии) и так далее. И вот меньшевики по старой привычке завопили: ага, делаете уступки буржуазии, — так сдайте ей и власть, т.-с. опять захотели из отступления сделать сдачу. А некоторые „левые“ товарищи не поняли вовсе необходимости отступления и хотели продолжать старую экономическую политику, т.-е. на деле привести наше дело к гибели.

Ильич, а с ним и партия, заявили: чтобы сохранить союз с крестьянством и наладить хозяйство, мы пойдем на некоторые уступки капиталу, — без этого сейчас нельзя. Но мы идем на эти уступки именно для того, чтобы лучше сохранить главное, — власть рабочего класса и государственную промышленность.

Жизнь уже доказала правильность этого взгляда.

Уметь во-время наступать на врага со всей быстротой, смелостью и силой, но уметь во-время и отступить так, чтобы сохранить свои силы, сохранить главное, не сдаться на милость врага, — вот, в чем тайна ленинских успехов.

8. Ленин — строитель Советского государства.

Еще скрываясь в Финляндии перед Октябрьской революцией, Ильич написал замечательную книгу „Государство и революция“. В ней он доказывал, что государство никогда не бывает орудием всего населения страны, а всегда на деле бывает инструментом, с помощью которого один класс подавляет другой. Буржуазное государство (хоть бы оно и называлось рас-продемократической республикой) это — инструмент буржуазии для подавления пролетариата и крестьянства. **Чтобы освободиться, пролетариат должен разбить, уничтожить буржуазное государство и создать свое, особенное, новое, пролетарское.** Эти взгляды Ильича целиком основывались на взглядах Маркса. Но Маркс в свое время мог об этом говорить только в самых общих словах, так как в жизни не было еще серьезного опыта пролетарского государства (первая попытка создать такое государство, — восстание парижских рабочих 18 марта 1871 года, кончилась неудачей через 21½ месяца). Ленин же не только дал общую мысль пролетарского государства, но и указал жизненную конкретную форму такого государства, — Советы Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов.

Но Ильич никогда не успокаивался на книжном бумажном решении: он стремился к тому, чтобы каждое

такое решение было проведено в жизнь. Действительно, Октябрьская революция смела с лица земли буржуазный государственный аппарат и дала всю власть Рабоче-Крестьянским Советам. Впервые в истории человечества под руководством Ленина, широкие трудовые массы приобщились к управлению государством. На месте губернаторов, исправников, земских начальников, старост, притеснявших и грабивших бедноту, появились председатели Исполкомов и Советов, — питерские, московские, иваново-вознесенские, уральские, допесские пролетарии и пролетарки, крестьяне и крестьянки, творящие волю рабочего класса, твердой рукой ведущие борьбу против врагов революции.

Ильич руководил всеми сторонами деятельности нашей власти. Понимал он, что русские рабочие не могут победить без победы рабочих за границей. Но также он знал, что разоренная, нищая, усталая Россия не может взять на себя задачи своей вооруженной рукой утвердить Советскую власть во всем мире. И вот, пока за границей революции нет, Ильич говорил, что надо торговаться с буржуазными правительствами. Без этого самой по себе нашей разоренной стране трудно будет продержаться до мировой революции. Чтобы избежать разорительной войны и получить из-за границы нужные нам машины и товары, можно пойти на хозяйственные уступки, заплатить иностранным капиталистам. Но если эти господа захотят поколебать своими требованиями основы рабочей власти в России, если они захотят поставить нас на колени, тогда дудки, руки прочь! И чтобы этого не случилось, надо всегда быть в боевой готовности, надо иметь хорошую, крепкую Красную армию. Такую линию с самого начала проводил Ильич по отношению к другим — буржуазным государствам. И эта линия уже дала свои плоды: ни на какие унизительные уступки мы не пошли, а Англия, Германия,

Италия, Норвегия и другие признали нас, торгуют с нами.

Во внутренней политике Советского государства Ильич много думал о том, чтобы всячески укрепить союз пролетариата с крестьянством. Мы уже знаем, что на этом союзе Ильич строил нашу хозяйственную политику. Для укрепления этого союза Ильич стремился всячески улучшить и наш государственный аппарат, наши учреждения. Ленин прекрасно знал, что государство у нас новое, пролетарское, но есть в нем немало болезней, оставшихся от старого буржуазного порядка. Старые чиновники, сидящие в наших учреждениях, привыкли работать бюрократически, ведут сплошь и рядом работу „с пята на десятое“, канительят, а у рабочих и крестьян нет еще такого количества знающих и опытных людей, чтобы поставить дело по-новому своими силами. Известное дело, где было рабочему раньше научиться управлять государством? А результат получается такой: народу в наших учреждениях масса, стоит эта огромная машина уйму народных денег, а часто работа идет плохо, рабочему и крестьянину часто нельзя добиться толку.

Ильич давно это заметил и давно понял, что вылечить наш аппарат можно только по мере того, как возможно более широкие трудовые массы будут привлекаться к участию в государственном строительстве. Всегда учил Ильич стремиться к этому. Но в нашей безграмотной стране этого быстро не достигнешь. Надо понять, что тут следует запастись терпением, медленно день за днем уничтожать безграмотность, давать трудовым массам знания, а попутно тщательно изучать работу учреждений, вытряхивать всякий сор, сокращать, сколько только возможно, удешевлять, сколько только возможно, получше налаживать дело, чтобы силы даром не пропадали, чтобы время даром не теряли, чтобы лишние люди не сидели.

Уже будучи больным, в марте 1923 года, Ильич написал замечательную статью — „Лучше меньше да лучше“. В этой статье он особенно подробно осветил вопрос о нашем аппарате, изложил свои взгляды на способы его улучшения и предложил перестроить рабоче-крестьянскую инспекцию, соединить ее с партийными контрольными комиссиями, чтобы она целиком занялась выметанием всякого сора и налаживанием государственного аппарата. Эта мысль Ильича была принята XII съездом партии и начала проводиться в жизнь. Не надо думать, что она в год все устроит, но постепенно, шаг за шагом, работа эта приведет к уничтожению всех болезней нашего государственного аппарата.

Но руководя и международной и внутренней политикой Советского государства, предостерегая от слишком большой торопливости, временами отступая, делая те или иные уступки, Ильич ни на минуту не упускал из вида главной нашей задачи: осуществить коммунистический строй, добиться такого порядка, когда земли, фабрики и заводы принадлежат всему народу, когда люди работают сообща и все пользуются всеми богатствами. Первый шаг к такому порядку был сделан в октябре 1917 года, когда рабочие свергли буржуазное правительство и создали свое пролетарское государство. Но какая может быть общность владения и работы, какой может быть коммунизм, когда фабрик и заводов в стране мало, а большинство населения (крестьянство) работает на маленьких клочках земли по-старинке сохой и серпом. Наладить общую работу и общее владение можно только тогда, когда работают сильными машинами, способными обслужить большие пространства земли и много людей. Иными словами, для того, чтобы можно было прийти к коммунизму, необходимо русское народное хозяйство поднять на новую высоту, повысить технику во много раз.

И вот, едва кончилась гражданская война, в декабре 1920 года, Ильич выступил на VIII Всероссийском Съезде Советов с указанием, по какому пути наша страна может прийти к коммунизму. Надо построить по всей стране ряд электрических станций огромной силы, все фабрики, заводы, мастерские перевести на электрическую энергию, осветить электричеством деревни, дать крестьянам электрические плуги, веялки, молотилки, иначе говоря, **провести электрофикацию**, **электрофицировать** всю страну. На это—говорил Ильич—потребуется не год, не два, а десять лет, а то и того более, но без этого мы ничего не сделаем. Надо, не торопясь, не увлекаясь, немедленно приступить к постройке этих станций и к электрофицированию промышленности.

И действительно, работа с тех пор закипела. Начали строиться такие огромные центральные электрические станции, как Шатурка, Каширка, Волховстрой. Далеко еще нам до успешного окончания этой работы. Мы в самом начале великого строительства, но оно безостановочно продолжается.

И еще один путь указал Ильич. Он прекрасно понимал, что при новой экономической политике судьба классовой борьбы зависит от того, кто подчинит своему влиянию крестьян,—напман, т.-е. новая буржуазия, или правящий рабочий класс. Вырвать крестьянство из-под влияния напманов можно, прежде всего, наладив организованную продажу крестьянам дешевых государственных товаров. Но как наладить ее, имея дело с отдельными хозяйчиками-крестьянами? Необходимо объединить всех крестьян в кооперативы и через них налаживать смычку города с деревней. Объединение крестьян в кооперацию—очень важный шаг на пути к коммунизму. И это объединение—говорил Ленин—не закончится в год или два, это—дело десятилетий, но его надо немедленно начать и день за днем расширять.

Больше всего беречь союз рабочих с крестьянами. Избегать войн и заязывать торговлю с иностранными государствами, но в кабалу не идти и всегда быть готовыми к вооруженному отпору. Привлекать все более трудовые массы к делам управления и тщательно изучать, сокращать, чистить, улучшать государственный аппарат. Неустанно осуществлять год за годом электрофикацию России. Укреплять и поддерживать кооперацию. Вот заветы Ильича, как вождя пролетарского государства.

9. Ленин — вождь угнетенных национальностей.

Одной из важнейших мыслей Ильича, уже осуществленных на деле, является мысль о создании Союза Социалистических Советских Республик. Эта мысль тесно связана со взглядом Ильича на так называемый национальный вопрос, вопрос о политике по отношению к различным национальностям.

Ленин, как и Маркс, прекрасно понимал, что пролетариат победит буржуазию только в том случае, если рабочие всех стран объединятся и сообща выступят против буржуазии. Но рабочие угнетенных национальностей (евреи, поляки, украинцы и другие в России, ирландцы в Англии, негры в Америке и так далее) страдали под двойным гнетом: их, как всех рабочих, притесняла буржуазия, да кроме того, их особо угнетала буржуазия господствующей нации, запрещавшая им говорить на своем языке, учиться в школах на своем языке и т. п. Эти рабочие угнетенных национальностей привыкли видеть в человеке господствующей национальности притеснителя; так, к примеру, рабочий-поляк часто готов был видеть в каждом

русском, даже рабочем, угнетателя. Пока это отношение не изжито, невозможна об'единенная борьба против буржуазии.

С другой стороны, крупные капиталистические государства (Англия, Франция, Италия, Япония и др.) подчинили себе и зверски угнетают большую часть земли. Капиталисты стран-завоевательниц высасывают из этих подчиненных стран (их называют колониями) все соки. Национальности, живущие в колониях (а в них живет один и три четверти миллиарда людей, тогда как в странах-завоевательницах — всего около четверти миллиарда) не имеют никаких прав и находятся на положении настоящих рабов. Все эти угнетенные национальности, народы Индии, Египта, Китая, Персии и других стран, кровно заинтересованы в уничтожении европейского капитализма. Правда, в большинстве колоний фабрик и заводов очень мало, пролетариата почти нет, и основную массу населения составляет крестьянство. А этому задавленному крестьянству и в голову не придет бороться за коммунизм. Но зато его можно поднять на борьбу с капиталом за национальное освобождение.

Все это давно заметил Ильич, и еще до войны доказывал он в ряде статей, что освобождение пролетариата невозможно без уничтожения национального гнета. Во-первых, пролетариат не может успешно вести свою борьбу, если рабочие угнетенных наций видят в рабочем угнетающей нации врага. Где уже тут „пролетариям всех стран соединяться“! Во-вторых, для окончательной победы над капиталом рабочий класс должен заручиться поддержкой угнетенных национальностей колоний. Если, к примеру, восставшие рабочие Англии не поведут с собою против английского капитала угнетенных индусов (жителей Индии), что получится? Английские капиталисты обра-

зуют из темных забитых индусов послушные полки и подавят их руками своих рабочих. Как в России для победы революции необходим союз рабочих и крестьян, так для победы мировой революции необходим союз европейских и американских рабочих с угнетенными национальностями.

Как же этого добиться? Прежде всего рабочие угнетающих наций должны на деле показать рабочим угнетенных наций, что они против национального угнетения, что они готовы поддержать их в борьбе за национальное освобождение. Нужно бороться за самоопределение т.-е. за право каждой нации самой определять свою судьбу. Соглашатели-меньшевики на словах соглашались с этим, но когда пришла революция 1917 года и угнетенные украинцы и финляндцы захотели сами устроить свое государство и вздохнуть свободно, меньшевики заорали: как, да это — распад России, да это — измена!

А Ленин заявлял: никакой тут измены нет! Нельзя заставить национальность насильно жить с другой в одном государстве! Надо ей дать право самой решать свою судьбу! Только тогда, когда трудящиеся массы этой страны сами сознают общность своих интересов с интересами трудящихся масс другой страны и добровольно захотят объединиться с ней, такое единство будет прочно!

И только произошла Октябрьская революция, Ильич сейчас же провел через Совет Народных Комиссаров „декларацию прав народов России“. Эта декларация позволила каждой национальности устраивать самой свою судьбу и даже, если пожелает, отделиться от России. Таким путем пролетариат России показал трудящимся массам угнетенных национальностей, что он вовсе не хочет их угнетать. Даже самым мелким народам, как башкиры, карелы, киргизы, была дана самостоятельность, образованы особые республики,

введена школа и делопроизводство учреждений на их родном языке.

И действительно, испытания гражданской войны показали трудящимся массам угнетенных ранее национальностей, что рабочие и крестьяне России — их друзья и союзники, а их национальная буржуазия — их враг. И рабочие и крестьяне Украины, Кавказа, Белоруссии вступили в братский союз с рабочими и крестьянами России, но этот союз основан не на насилии и принуждении, а на добровольном товарищеском соглашении. Национальный гнет царизма приводил лишь к тому, что все народы России только и мечтали, чтобы уйти и устроить совершенно особое государство. А политика самоопределения народов привела к тому, что трудящиеся массы всех национальностей России объединились и создали в 1922 году Союз Социалистических Советских Республик. Знать, недаром говорится, что собственность разъединяет, а труд объединяет.

Но Ильич не только провозгласил право наций на самоопределение и осуществил это право на деле в России. Он всячески старался пробудить угнетенные национальности колоний, он старался объяснить европейским рабочим, что они должны поддержать борьбу колоний за освобождение. Например, английский рабочий должен поддержать борьбу индусов и других народов, угнетенных английской буржуазией. Эта простая мысль непонятна многим европейским рабочим. Слишком настойчиво им вдолбили, что европейские завоеватели принесли в колонии „культуру“, да к тому же европейский рабочий, будто бы, будет хуже жить, если его страна лишится колоний. Но Ильич упорно объяснял заграничным рабочим, что без помощи колоний им не удастся сбросить капитализм. И передовые рабочие-коммунисты разных стран поняли это. Международная организация революционных рабочих, Ком-

мунистический Интернационал, согласилась с взглядом Ленина на этот вопрос. И Ильич и европейские коммунисты знали, что крестьяне колоний борются не за коммунизм. Но если при их помощи удастся свергнуть капитал, победившие рабочие дадут в колонии машины, проведут там электрофикацию и поведут их к коммунизму.

В 1920 году в Баку (на Кавказе) Коммунистический Интернационал созвал первый съезд представителей угнетенных народов Востока. На съезд съехались революционеры из Турции, Индии, Персии, Аравии и других стран. Съезд принял постановление: совместно с европейским пролетариатом бороться против мировой буржуазии. И с тех пор не прекращается усиленная революционная работа передовых представителей угнетенных народов Востока над подготовкой решительного боя с угнетателями.

Забитые, замученные крестьяне Китая и Турции, Индии и Персии хорошо знают имя того, кто первый бросил им клич: подымайтесь на борьбу с поработителями! В самых глухих уголках Востока ходят настоящие предания и сказки о великом мудреце и вожде Ленине, который спасет поработенный Восток.

Проводить в жизнь право наций на самоопределение! Бережно относиться к национальному чувству угнетенных народов! Помнить, что только добровольный союз народов прочен! Помнить, что без поддержки угнетенных народов колоний рабочий класс не сможет победить! Вот, чему учил нас Ильич.

10. Ленин — вождь мирового пролетариата.

Борьба угнетенных национальностей против европейского капитализма высоко ценилась Лениным, прежде всего, потому, что эта борьба обеспечивала победу

международной пролетарской революции. В полном согласии со взглядами Маркса, Ильич прекрасно понимал, что нельзя окончательно сбросить капиталистов в одной стране, если не сбросить их во всех странах. А для того, чтобы успешно добиться этого, надо прежде всего объединить передовой отряд рабочего класса всех стран, — все коммунистические партии.

С самых первых шагов своей деятельности Ильич живо интересовался борьбой рабочих в разных странах. Как только (в 1900 году) он попал за границу, он стал присматриваться, чем живут, о чем думают, как борются немецкие, английские, швейцарские рабочие. В то время в разных странах в рабочих партиях появились люди, похожие на наших „экономистов“ или меньшевиков. Они говорили, что учение Маркса устарело, что его надо „ревизовать“, то-есть пересмотреть (поэтому их называли „ревизионистами“), что рабочий класс придет к социализму мирным путем, без всяких революций. Вождем этих соглашателей был немецкий социалист Бернштейн. Ильич начал со страниц „Искры“ вести суровую борьбу с Бернштейном и его друзьями, вступая, таким образом, в бой с мировым меньшевизмом.

В эти годы существовал союз рабочих партий всех стран — Второй Интернационал. Основан он был в 1889 г. и назывался вторым, потому что до него в 60-х-70-х г.г. прошлого века Маркс создал уже такой союз — Первый Интернационал. В 1907 году наша партия выбрала Ленина своим представителем во Втором Интернационале. Ильич всегда прекрасно сознавал, что рабочие смогут победить, только соединившись во всем мире. Теперь он оказался в центре сил мирового рабочего движения, и тем не менее он почувствовал себя во Втором Интернационале чужим, одиноким. В чем тут дело? А дело вот в чем: Второй Интернационал соз-

дался и рос, когда капитализм успешно развивался. Буржуа получали такие прибыли, так усердно грабили колонии, что могли лучше платить некоторым лучше обученным группам рабочих и подкупать эти группы. Кроме того, вообще капитализм был так силен, что мог без труда спастись от революционной борьбы, бросая рабочим отдельные мелкие подачки. Рабочие за десятки лет отвыкли от революционной борьбы, их вожди привыкли договариваться с буржуазией, а не бороться с ней. На словах они ругали Бернштейна и были марксистами, а на деле большинство этих вождей рабочих всех стран давно потеряло революционный дух. Вот потому-то Ленин и чувствовал себя среди них чуждым.

В 1907 году в немецком городе Штутгарте произошел всемирный конгресс (съезд) Второго Интернационала. На нем обсуждался вопрос: что делать, если капиталисты затеют мировую войну (а война тогда уже надвигалась). Вожди Второго Интернационала наговорили против будущей войны много громких слов, но Ильич вместе с покойной Розой Люксембург предложил: если вы хотите действительно бороться с мировыми войнами, то скажите, что если война начнется, вы превратите ее в мировую революцию. Так еще в 1907 г. Ленин высказал совершенно ясно свой взгляд, который он проводил потом в годы войны и революции. Второй Интернационал предложение Ильича и Розы принял, но, чуть только разразилась война, его вожди в большинстве забыли все обещания и изменили пролетариату.

Мы уже знаем, что Ильич немедленно понял, что мировой пролетариат должен превратить грабительскую империалистическую войну в революционную гражданскую войну против капитала. Но это можно сделать, только наладив союз рабочих всех стран. Между тем, Второй Интернационал распался. Как же быть? И вот

с самого начала войны Ильич беспрерывно говорит: „Второй Интернационал прогнил и распался. Вместо него надо создать новый, Третий Коммунистический Интернационал, который был бы не международной говорильней, а боевым штабом международной революции. Между тем, коммунисты, люди, оставшиеся на пролетарском боевом посту, тогда насчитывались в Европе единицами и, самое большее, десятками.

В сентябре 1915 года в швейцарском городишке Циммервальде собралась кучка социалистов разных стран. Тут были и последовательные коммунисты, как Ленин, Зиновьев, Радек, Хеглунд и другие товарищи, требующие превращения войны в пролетарскую революцию, тут были и меньшевистские болтуны, как Маргов, Аксельрод и др. Меньшевистская публика плакалась по поводу войны и кричала, что война грабительская, что ее поддерживать не надо, но стремиться к мировой революции тоже нельзя. Этих господ называли „центристами“ за то, что они пробовали усесться в „центре“ между коммунистами и предателями-„оборонцами“. В Циммервальде коммунисты и „центристы“ сошлись на одном: надо разъяснить рабочим, что война ведется в интересах грабителей-капиталистов и поддерживать ее не надо. Но, когда Ильич и его единомышленники стали доказывать, что все настоящие революционеры должны порвать с оборонцами, выйти из соглашательских партий, предавших дело пролетариата, и создать новый боевой союз рабочих всех стран, Третий Интернационал, „центристы“ запротестовали. Понял Ильич, что надежда на них плохая, тем не менее, пока большинство рабочих верило прямым изменникам-„оборонцам“, Ильич пошел вместе с „центристами“. Он сознавал, что сперва надо объяснить рабочим вред и преступность войны, а потом делать остальное. Циммервальдское совещание (кон-

ференция) выпустило манифест, раз'ясняющий рабочим преступность войны. Это тогда было большое дело. Но Ильич, идя до поры до времени вместе с „центристами“, в то же время создал внутри Циммервальдского объединения „циммервальдскую левую группу“, в которую вошли последовательные коммунисты разных стран. С этой „левой“ группой Ильич и выступал на втором совещании сторонников циммервальдского объединения в швейцарском городке Кинтале в апреле 1916 года.

Произошла русская революция 1917 г. Ильич сразу понял, что это лишь первая из целого ряда пролетарских революций, что без помощи европейских рабочих и угнетенных народов всего мира русский пролетариат не удержится. И Ильич начинает бешено работать над проведением в жизнь своей старой мысли о создании Третьего Коммунистического Интернационала. И к марту 1919 года в Москву с'ехались, наконец, представители коммунистических групп разных стран Европы (именно групп, потому что настоящих партий тогда еще почти нигде не было). 2 марта 1919 года Ильич открыл первый международный конгресс Третьего Коммунистического Интернационала (или сокращенно Коминтерна). Ильич был душой и мозгом этого конгресса. Он сделал там замечательный доклад о буржуазной и пролетарской демократии, и конгресс принял предложенное Лениным постановление, раз'ясняющее, что буржуазная „демократия“ на деле означает господство буржуазии, а диктатура пролетариата на деле является подлинной демократией для трудящихся масс. Так Ильич сделал свои выводы из опыта русской революции достоянием рабочих всего мира.

В то время только-что кончилась империалистическая бойня. Капиталисты не успели притти в себя, а рабочие волновались и рвались на борьбу. Настоящих

коммунистических партий почти нигде не было, но, ознакомившись с постановлениями первого съезда Коминтерна, лучшие, более сознательные рабочие стали переходить из меньшевистских партий к коммунистам. Увидав это, меньшевистские и полуменьшевистские вожди забеспокоились, и более ловкие из них тоже полезли в коммунистические партии.

В июле 1920 года в Москве произошел второй всемирный конгресс Коминтерна. На него приехал целый ряд примазывшихся меньшевиков. Ильич и тут поступил так же, как он поступал, борясь с меньшевиками в России. По его предложению, конгресс принял условия (счетом 21), не выполнив которых, нельзя состоять в Коминтерне. Меньшевики подняли страшный вой, но Ильич достиг своего: эти 21 условие по существу требовали только одного, чтобы каждый член Коминтерна был коммунистом не только на словах а на деле. Революционных рабочих это не испугало, а полуменьшевики убралась во-свояси. Начали создаваться настоящие коммунистические партии.

Но вот к 1921 году европейские капиталисты по-немногу оправились, собрались с силами. Им помогло, что в самые решительные моменты у европейских рабочих не было партий, которые повели бы их в бой, что многие европейские рабочие верили еще меньшевикам. Теперь же молодые коммунистические партии, правда, создались, но не успели еще связаться с массами. Революционная волна спала, а буржуазия начала бешеное наступление на пролетариат. И Ильич поступил так же, как он поступал в таких случаях в России.

В июне-июле 1921 года в Москве произошел третий всемирный конгресс Коминтерна. На нем Ленин вместе с Троцким выступили за изменение линии Коминтерна. В 1919 году надо было драться с оружием в руках,

а теперь положение изменилось. Надо прежде перетянуть на свою сторону массы. Если снова подымешь восстание, не завоевав масс, потерпишь непоправимое поражение. Надо участвовать в будничной повседневной борьбе пролетариата за неуменьшение заработной платы, за неувеличение рабочего дня и тому подобное и на этой мелкой борьбе показать рабочим, кто защищает их интересы, — коммунисты или меньшевики. Когда же большинство рабочих пойдет за коммунистами, снова придет пора восстаний. Сначала на конгрессе многие товарищи испугались: как, мол, отступать? Потом поняли, что Ильич прав. Конгресс принял эту линию, и коммунистические партии теперь успешно проводят ее.

Не надо думать, будто Ленин командовал иностранными партиями и учил все делать по русскому образцу. Нет, он всегда учил считаться с особенностями каждой страны и особенностями рабочего движения в каждой стране. Но в то же время он прекрасно использовал и применил в деле подготовки мировой революции все свое умение, выкованное им в революционной борьбе в России, все свои взгляды, выработанные в этой борьбе: и свой взгляд на государство и диктатуру пролетариата, и свой взгляд на значение пролетариата в революции, и свой взгляд на значение в революции угнетенных национальностей, и свое умение строить железную партию, разрывая с болтунами и предателями, и свое умение во-время наступать и во-время отступать, и свое умение никогда не терять связи с массами.

11. Ленин — человек.

Ленин был не только великий политик, мыслитель, организатор. Ленин был также великий несравненный человек.

Бывает, что преданный коммунист имеет личные привычки, склонности, вкусы, не соответствующие пролетарскому духу. Например, коммунист любит в частной жизни соприкасаться с буржуазией и тому подобное. У Ленина — не то, у него личные привычки и вкусы целиком слиты с борьбой за освобождение пролетариата. Даже с ближайшими друзьями он рвал, если они уходили из рядов передового отряда рабочего класса. С Мартовым Ильича связывала теснейшая дружба: вместе они работали среди питерских рабочих еще в 1895 году, вместе были сосланы, вместе основали за границей „Искру“, вместе работали в ней. Но когда Мартов ушел с правильного пути в меньшевистское болото, Ильич бесповоротно порвал с ним. Для Ильича вся жизнь была борьбой, и борьба была всей жизнью.

Далее, Ильич изумительно умел работать. Будучи председателем Совнаркома, он, естественно, был загружен ответственной серьезнейшей работой общегосударственного значения. Он работал без отдыха, дни и ночи, тщательно экономя время. На заседаниях Совнаркома он давал для высказывания лишь по три минуты и никому не позволял говорить больше, сам тут же на заседании читал иностранные газеты или писал что-нибудь и в то же время следил за прениями и сам в кратком слове, удивительно ясно, перед голосованием подводил итог каждому обсуждавшемуся вопросу.

Но, загруженный важнейшими делами, Ильич одновременно следил за разными мелочами. Решая вопросы жизни и смерти республики, он успевал справиться, провели ли электричество в такую-то деревню, устранили ли безобразие в таком-то детском доме, протолкнули ли продмаршрут на такую-то станцию и так без конца. Ильич никогда не успокаивался, только отдав распоряжения: он всегда, то по телефону, то

письменно осведомлялся, выполнено ли его приказание, и если нет, то почему.

Что всего характернее для Ильича, это то, что он был не только поразительным работником, но и прекрасным товарищем. Отказывая себе в отдыхе, он очень заботился о товарищах, особенно о много пострадавших старых партийцах. Он всегда замечал, если товарищ переутомился, и сейчас же старался отправить его по-лечиться. „Партийное добро надо беречь“, говаривал он шутя. За тем, чтобы не давать товарищам переутомиться и болеть, Ильич одинаково внимательно следил и за границей в изгнании, и в России после победы революции. Будучи главой государства, он всегда находил время помочь даже не особенно ответственным товарищам устроиться с квартирой, с средствами на жизнь и т. д. Если Ильич знал, что товарищ слишком горд и никогда не попросит помощи, он стороной узнавал о его положении и в деликатной форме оказывал помощь. Не менее внимательно он заботился о семьях погибших товарищей.

Величайший вождь рабочего класса — Ильич был далек от всякого самомнения, от всякой заносчивости, он ненавидел красивые словечки и неприступный вид. И никто лучше его не чувствовал себя в рабочей, солдатской, крестьянской массе, в беседе с рядовыми трудящимися. Всегда доступный и простой — он умел говорить с массой на ее языке, умел в два счета вывести у встречного рабочего, работницы, крестьянина или крестьянки, чем живет, чем болеет масса. Ильич, каждая минута которого на счету, не жалел времени на то, чтобы убедить встретившегося ему рабочего в правильности наших действий.

Наши враги представляют себе Ленина мрачным, зловещим, свирепым человеком, чем-то вроде мыслящего ходячего топора. Нет ничего более лживого и

глупого, чем такое представление об Ильиче. Ильич менее всего похож на сухого, мрачного проповедника. Он, прежде всего, был живой человек, у которого жизнь брызгала из каждого движения. Он был весельчаком, никогда не терявшим присутствия духа. На что уж после поражения революции 1905 года, когда Ильич принужден был снова бежать за границу и зажить там вдали от русского пролетариата, — на что уж черное было время, и то Ильич не сломился, шутил, был бодр. Настолько глубоко он верил в близость новой волны революции.

Ильич работал, как никто, но зато и отдыхал он, как никто. Его смех был каким-то удивительно заразительным, неподдельно-веселым. Он любил шахматы, охоту, велосипед, коньки. Любил слушать музыку, не прочь был и сам спеть в хоре, хотя хорошим голосом и не обладал. В какой бы компании он ни очутился, он сразу становился, как говорят, „душой общества“, веселил всех, шутил, смешил, был запевалой и тому подобное. Даже в австрийской тюрьме он сумел очаровать галицийских крестьян, хотя сам почти не говорил по-польски.

Ильич очень любил детей и в немногие свободные минуты очень охотно играл с ними. Даже незадолго до смерти, в Горках, больной и быстро утомляющийся Ильич любил собирать детей и даже устроил для них перед смертью елку.

К сожалению, Ильич, так прекрасно умевший отдыхать, очень редко позволял себе эту роскошь. Других он посылал в отпуск, чуть заметит переутомление, но с собой совсем не считался. Как он мог работать, показывает такой факт. До 1907 года Ильич мало занимался философией. Но вот в годы реакции некоторые члены партии стали печатать философские книги, в которых проводили чуждые и вредные пролетариату

взгляды. И вот Ильич засел в парижскую библиотеку, перечитал за год всю нужную философскую литературу не только на русском, но и на иностранных языках, и сам написал превосходную философскую книгу „Материализм и эмпириокритицизм“. Но такая бешеная работа не могла не подорвать в конце-концов силы даже такого железного человека, как Владимир Ильич.

Помимо неустойчивой работы, Ильич, безусловно, подточил свое здоровье и постоянной нуждой. Мало того, что он нуждался в изгнании, — это понятно. Но он продолжал нуждаться и в Кремле, будучи уже председателем Совета Народных Комиссаров. В 1919 — 1920 годах он голодал, как и все рабочие. Когда в 1918 г. ему увеличили жалованье, „нарушив“ этим закон, Ильич не захотел посчитаться с тем, что для поддержания его сил можно потратить и больше, и сделал строгий выговор товарищу, „виновному“ в этом увеличении жалованья. Точно так же в самое голодное время врачи прописали Ильичу усиленное питание. Кремлевское санитарное управление прислало ему продукты в несколько большем количестве, чем обычно выдавали больным. Ильич проверил, сколько ему прислали, и излишек отослал назад со строгим нагоняем. До такой степени Ильич не хотел пользоваться никакими преимуществами.

Нечеловеческая работа и лишения в конце-концов надорвали здоровье нашего любимого вожда. Он еще сопротивлялся страшной болезни мозга, — результату чудовищного переутомления. Чуть наметилось улучшение, Ильич зимой 1922 года принялся снова за работу, выступил с двумя большими и важными речами, написал несколько замечательных статей и снова надорвался.

Ленин своей жизнью показал нам, каков должен быть революционер, как должен работать и относиться

к товарищам передовой пролетарий. Большинство из нас еще во многом не избавилось от старых привычек, от старых замашек, даже из тех, кто в политике стойко борется за дело пролетариата. Много еще нам придется поработать над собой, чтобы выработать из себя новых людей. Ильич дал нам в этой области прекрасный пример. Он был новым человеком, в полном смысле этого слова.

12. У великого гроба.

Мы видели, какой путь прошел Владимир Ильич, мы ознакомились с важнейшими сторонами его учения (а о многих важных сторонах мы и не сказали, — если говорить обо всем важном в ленинизме, надо написать ряд больших книг). Мы видели, что Ильич замечателен прежде всего тем, что он всегда, в любых условиях, правильно указывал пролетариату, какой дорогой при данной обстановке можно легче и быстрее всего приблизиться к нашей конечной цели — к коммунизму.

Ленин никогда не пробовал выдумать рецепт, который был бы годен всегда и всюду. Намечая какой-либо способ борьбы, Ильич исходил из изучения данной обстановки, из учета сил в данное время. Он искал, какое оружие сейчас выгоднее всего применить рабочему классу, чтобы приблизиться к конечному освобождению. Поэтому он, не колеблясь, менял приемы борьбы, когда менялась обстановка. Сегодня бойкотировать государственную думу, завтра идти в нее, а после завтра снова плюнуть на нее. Сегодня воздерживаться от решительных действий, завтра пойти в решительный бой, а после завтра отступить в порядке, —

в зависимости от условий. Мы должны учиться у Ильича прежде всего не готовым решениям и выходам, а его умению правильно оценивать обстановку и, сообразно с ней, намечать такую линию, которая наиболее сохранила бы силы пролетариата и в то же время наиболее приблизила бы его к коммунизму.

Ильич, как никто, обладал этим умением. Благодаря тому, что у русского пролетариата в наше время нашелся такой великий вождь, как Ленин, рабочие России избежали множества лишних неудач, значительно сократили свой трудный путь к победе, достигли множества лишних успехов. Потеря Ленина — страшная, невознаградимая, незабываемая потеря. И все же мы все знаем, что отдельный человек — даже самый великий! — не может изменить хода истории. Мы знаем, что даже самый гениальный вождь не спасет прогнившего капитализма, а пролетариат, даже лишенный своего великого вождя, все-таки приведет мир к коммунистическому строю. Но бороться без Ленина будет в миллион раз труднее, чем с Лениным. Нам придется самим продумывать сложнейшие вопросы, тогда как ранее сплошь и рядом их продумывал за нас Ильич.

Что же, мы не можем стать Ильичами, но мы можем и обязаны постараться общими силами заменить Ильича. Если при жизни Ильича многие рабочие спокойно оставались в стороне, теперь этому нет места! Каждый сознательный пролетарий должен быть в рядах коммунистической партии, ленинской партии, — ленинской и потому, что ее создал и воспитал Ленин, и потому, что она продолжает дело Ленина.

И тот несравненный порыв рабочего класса, который мы видели в недавние траурные дни, те массовые вступления лучших пролетариев в партию, которые мы видим сейчас, доказывают, что дело Ленина живо, что оно непобедимо.

Изучать ленинизм внимательно и долго, учиться прилежно ленинскому умению находить всегда правильные пути, бороться плечом к плечу в рядах и под знаменами коммунистической партии! Вот чему учит нас великая могила на Красной площади.

Г. Делевич.

СХВАТЕНА Д. ИСТОТ. ОБЩЕСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ И ТОВАРОВЕДЕНИЯ	Инв. №
	ОТД.
	Авт. ш.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
1. Жизнь Ленина	4
2. Ленин о значении пролетариата в революции . .	8
3. Ленин — строитель коммунистической партии . .	12
4. Ленин — в борьбе с соглашательством	17
5. Ленин о значении крестьянства в революции . .	23
6. Ленин и восстание	28
7. Ленин и отступление	34
8. Ленин — строитель Советского государства . . .	39
9. Ленин — вожь угнетенных национальностей . . .	44
10. Ленин — вожь мирового пролетариата	48
11. Ленин — человек	54
12. У великого гроба	59

Издательство ЦК. ЖД. „ГУДОК“.

Вышли из печати:

ЛЕНИН ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКАМ. Две речи В. И. Ленина на съездах железнодорожников.

В. И. ЛЕДОВСКОЙ и А. М. МИРОНОВ. Материалы для работы профкружков.

В. И. ЛЕДОВСКОЙ. Об Уставе РКП.

Печатаются:

ЗУБИЛО. Стихи.

А. ПОМОРСКИЙ. Революция на ладони (стихи).

Склад издания: Центральный книжный склад профессиональных союзов железнодорожников и водников (б. Цектран).

МОСКВА, Ильинка, Козьмодемьянский пер., д. 5.

ЛЕНИНГРАД, Проспект Володарского, 53.

ХАРЬКОВ, Улица 1 мая, 23 (б. Московская).
